

БАЛАНСИРОВАНИЕ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ГОСУДАРСТВ

АНДРЕЙ СКРИБА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Резюме

В работе исследуются два традиционных реалистских типа поведения — балансирование и примыкание. Исторически политика балансирования приписывалась главным образом крупным государствам — великим державам, которые старались сдерживать друг друга и тем самым поддерживать в международной системе равновесие. Другим — малым и средним — странам была более свойственна политика примыкания, в силу их неспособности самостоятельно противостоять внешнему давлению со стороны великих держав.

Распад биполярной системы внес в это положение вещей существенные коррективы. В частности, малые и средние страны получили новые возможности балансировать внешние угрозы собственному суверенитету. Одной из наиболее наглядных сфер проявления их политики балансирования стала региональная интеграция. С одной стороны, она несла для этих стран выгоды, особенно если предполагала близкое сотрудничество и снятие торговых барьеров с экономически более успешными и сильными государствами. Однако, с другой стороны, такое сближение создавало для малых и средних стран угрозы. Отсутствие экономических границ усиливало их зависимость от более сильных партнеров, а создание наднациональных органов превращало эту зависимость в политическую, поскольку наднациональные институты, как правило, склонны ориентироваться на интересы наиболее крупных и экономически влиятельных субъектов интеграции.

Цель статьи — изучить новые поведенческие особенности малых и средних стран в контексте интенсификации региональных интеграционных процессов. Показано, что балансирование и примыкание выступают неотъемлемыми составляющими интеграционной политики данного типа государств. С течением времени соотношение выгод и издержек от осуществления одной из двух стратегий может меняться. Когда у малых и средних стран появляются достаточные ресурсы для реализации политики балансирования, их интересам может начать соответствовать торможение процессов интеграции.

Ключевые слова:

политический реализм; региональная интеграция; политика балансирования; малые и средние страны; политика примыкания.

Несмотря на то что экономические союзы государств получили активное развитие еще в середине XX века, в современной международной политике их участники демонстрируют модели поведения, нехарактерные для более ранних исторических периодов. В частности, новые черты приобретает взаимодействие региональных лидеров и малых и средних стран, которые в

последние десятилетия стали более самостоятельными и инициативными.

Традиционно западные теории международной политики исследовали отношения между государствами преимущественно с точки зрения обеспечения безопасности. В качестве ключевого фактора развития мировых процессов рассматривалась военная сила и угроза ее применения, а в

качестве главных объектов исследования — крупные державы. Малым и средним государствам в этих условиях уделялось, как правило, меньшее внимание. Одним из заметных исключений представлялась классическая работа Р. Кохейна относительно успешности асимметричных стратегий малых стран [Keohane 1969].

В последние годы фокус научных работ сместился [Elman 1995; Browning 2006; Ingebritsen 2006]. Особенно зримо эта тенденция проявилась в анализе региональных интеграционных процессов. На примере европейской и евразийской версий интеграции, даже несмотря на нынешний украинский кризис, в последние два десятилетия заметно снижение потенциала *военной* напряженности (по сравнению с периодом «холодной войны»). В результате малые и средние страны получили большую свободу действий и, что еще более значимо, право выбора собственного пути развития. В то же время, как и раньше, они продолжают придерживаться двух базовых поведенческих моделей — политики балансирования и примыкания, которые в современной менее конфронтационной глобальной среде стали более адаптивными и поливариантными.

С учетом того, что вопрос интеграции на евразийском пространстве сохраняет в российском внутривнутриполитическом контексте свою актуальность, повышается спрос на теоретическое осмысление этих моделей применительно к практике современного регионализма. С одной стороны, это позволит объективно оценить реально существующие противоречия между участвующими в этих процессах государствами, а с другой — дополнить теоретические представления о региональной интеграции как общемировом феномене на основании изучения и концептуализации новых поведенческих особенностей малых и средних стран.

1

В западной политической науке теория реализма формулировалась в контексте конфронтационной многополюсной модели мира. В тех условиях государства были вынуждены вести непрерывную

борьбу за выживание, стремясь нарастить силовое могущество и улучшить стратегические позиции (*политический реализм* Г. Моргентау) [Morgenthau 1978] или оградить себя различными способами от негативного влияния анархической международной среды (*структурный реализм* К. Уолца) [Waltz 1979: 256].

Изначально сторонники этих теорий сосредоточивали свое внимание на отношениях в группе системообразующих государств (великих держав). Стабильность системы обеспечивалась поддержанием баланса сил между ними. Нарушение равновесия приводило к перераспределению материальных возможностей, которое проявлялось в масштабных (внутриконтинентальных или мировых) конфликтах и переделах мира великими державами.

В контексте этих процессов были концептуализированы две основные модели поведения государств — балансирование (*balancing*) и примыкание (*bandwagoning*). Первая предполагала противопоставление наращивающему силу оппоненту и попытки сдержать его развитие, второе — сближение с ним (чаще всего — вынужденное). Соответственно, считалось, что балансирование свойственно прежде всего сильным государствам — великим державам, а примыкание — неспособным оказать эффективное сопротивление малым и средним странам. Моргентау полагал, что малые народы всегда обязаны своей безопасностью балансу сил или защите державы-покровительницы, или непривлекательности с точки зрения империалистических устремлений других [Morgenthau 1978: 79–80].

Во второй половине XX века великие державы начинают постепенно терять доминирующее влияние на мировое распределение силы. Этому способствовало создание и распространение ядерного оружия, сделавшего новые глобальные войны бессмысленным и даже опасным инструментом достижения целей. Одновременно постепенное развитие международного права и процессы деколонизации усиливали участие в международных процессах малых и средних стран.

Следуя новым тенденциям, политическая наука все большее внимание уделяла отношениям неравных по потенциалу государств. В 1980-х годах начинается новый этап развития теории, связанный с появлением ряда прорывных исследований, посвященных изучению политики малых и средних стран. Среди них стоит выделить *теорию баланса угроз* Ст. Уолта. В соответствии с ней балансирование рассматривается как реакция страны на внешние вызовы, а не просто на наличие силового потенциала у других игроков. В понимании Уолта оно представляет собой создание альянса против источника угрозы, а примыкание — сближение с таковым. Соответственно, чем крупнее государство, тем более вероятно его балансирование, в то время как поведение малых государств, обладающих ограниченными ресурсами, все еще рассматривалось как вынужденное и реакционное [Walt 1990: 336].

Окончание «холодной войны» и последовавшие за ним два десятилетия характеризовались кардинальным ослаблением военной напряженности и, как следствие, снижением конфронтационности в международной среде. В новых условиях постепенно менялось и содержание балансирования и примыкания. Все чаще они предполагали невоенный внешнеполитический инструментарий распространения или, наоборот, сдерживания влияния. В научной среде стали появляться термины, отражающие новое содержание этих моделей.

В частности, широкое распространение получило понятие «мягкого балансирования», которым описывалась политика государств «второго эшелона» (Китая, Германии, Франции, Индии, России), избежавших «жестких» мер военного сдерживания США [Pape 2005; Paul 2005]. Р. Швеллер, не соглашавшийся с Уолтом и его трактовкой примыкания как формы капитуляции, разработал *теорию баланса интересов*, в рамках которой рассматривал невоенное примыкание одного государства к другому ради конъюнктурной экономической выгоды [Schweller 1994].

Позднее он попытался предложить и собственную классификацию политики *балансирования*. В ней Швеллер выделял: собственно балансирование, которое подразумевает создание противовеса опасному агрессору через объединение военных потенциалов и сдерживание его чрезмерного усиления; *сверхбалансирование* (overbalancing), когда цель — не противодействие конкретной, явной угрозе, а повышение собственной безопасности; *небалансирование* (nonbalancing), которое может принимать форму бездействия, рутины дипломатии или примыкания; *недобалансирование* (underbalancing), или ошибочное балансирование, когда государство либо не противодействует реально существующей угрозе, либо делает это неэффективно [Schweller 2006].

На фоне выделения многообразия возможных стратегий государств более отчетливо стала прослеживаться субъектность малых и средних стран, которые ранее рассматривались скорее как объекты политики центров силы и их жесткой конкуренции. В условиях менее конфронтационной международной среды для них открылись новые, более широкие возможности балансирования внешних угроз и выгодного примыкания. С учетом снижения опасности внешнего силового воздействия они получили возможность проявлять политическую активность: искусно использовать различные инструменты международного права и институтов для создания гарантий собственного суверенитета перед лицом значительно превосходящих их в военном плане игроков.

Ведущие державы не были готовы признать свое равенство с малыми и средними странами. Вместе с тем они по-прежнему заботились о собственной безопасности и влиянии, для обеспечения которых стали искать новые инструменты [Walt 2009: 89]. Одним из них стала региональная экономическая интеграция как средство создания долгосрочных асимметричных политических союзов (менее гомогенных, чем союзы военные).

В самом деле, современная региональная экономическая интеграция выстраива-

ется преимущественно субъектами с различными потенциалами. В нее, как правило, вовлечены сильное государство (или группа государств), заинтересованное в экспансии своего влияния на сопредельные пространства, а также более слабая страна (или ряд стран), находящаяся в зоне интересов первого. При этом процесс интеграции не является предопределенным. Формально за малой страной остается право выбора — сближаться с более сильным партнером и тем самым ограничивать собственную независимость или сохранять всю полноту государственного суверенитета.

Экономическая интеграция выгодна малым и средним странам, которые, как правило, нуждаются в доступе к внешним ресурсам (природным, трудовым, финансовым), более емком рынке сбыта готовой продукции и стабильных макроэкономических условиях для развития. Сближение с более сильным и конкурентоспособным государством через формирование таможенного союза, зоны свободного перемещения капитала, товаров, услуг и трудовых ресурсов, часто оказывается эффективным способом решения этих вопросов.

Мотивация к сближению может носить и субъективный характер: например, правительства в странах «третьего мира» зачастую стремятся сближаться с другими государствами ради балансирования не внешних, а внутренних угроз (например, для ослабления конкурирующих политических группировок) [David 1991]. Если допустить, что схожая мотивация может наблюдаться и в случае стран с переходными политическими системами, логичен вывод, что интеграция и экономическая выгода могут для части элиты стать инструментом усиления своих позиций.

Одновременно с очевидными преимуществами, интеграция предполагает и ряд ограничений, которые, по мере ее углубления, становятся все более ощутимыми для малых и средних стран. В частности, они связаны с созданием и функционированием наднациональных органов региональных объединений, которым государства передают часть полномочий, ограничивая

свой суверенитет. Несмотря на то что представительство в этих органах может быть поровну распределено между участниками интеграционных процессов, очевидно, что решения, обязательные для исполнения, будут приниматься в первую очередь в интересах более крупных игроков, от которых в большей степени зависит развитие группировки в целом. Иначе говоря, способность влиять на решения наднациональных органов у малых и средних стран относительно невысока.

Интеграционные ограничения могут оказывать негативное влияние и на политические процессы внутри страны в условиях, когда различия между предвыборными программами будут все более размываться в связи с отсутствием у государственной власти прежних полномочий. Кроме того, они могут стать серьезным вызовом политической стабильности авторитарных и переходных режимов, для которых экономические и социально-экономические инструменты остаются одним из главных методов удержания власти.

Есть ли у малых и средних стран возможность избежать невыгодного вовлечения в интеграцию и сохранить внеблоковый статус? Международная практика свидетельствует, что такое возможно. Например, если страна «отделена» от интеграционного ядра другими государствами или пространствами (например, океаническими), возникают препятствия формированию эффективного таможенного союза. Аналогичным образом при достаточности внутренних ресурсов и отсутствии очевидного интереса в экономическом сближении с региональным лидером малые и средние страны могут уклоняться от связывания себя обязательствами в рамках региональных объединений. Наконец, подобные игроки, находящиеся на пересечении интересов сразу нескольких государств, претендующих на региональное лидерство, могут спровоцировать борьбу между ними и манипулировать их опасениями [Цымбурский 1997, Суздальцев 2006].

Так или иначе, в большинстве случаев издержки отказа от интеграции оказыва-

ются слишком высокими и становятся неприемлемой платой за сохранение всей полноты суверенитета. К тому же суверенитет не всегда защищает от необходимости исполнять нормы, утверждаемые в рамках группировки. При высокой степени экономической зависимости от интеграционного объединения малая или средняя страна будет вынуждена во всем следовать его логике и фактически принимать законодательство, в разработке которого не участвует и которое не всегда отвечает ее интересам [Бордачев 2013].

Со своей стороны крупные государства заинтересованы в поддержании стабильного темпа интеграционной динамики и углублении процессов сращивания. Позиционируя себя в качестве лидера созданной или создаваемой при их ведущем участии группировки и, таким образом, консолидирующего ядра формируемой региональной подсистемы, они тем самым укрепляют свой высокий статус на международной арене. Одновременно передача полномочий в наднациональные органы, как правило, сохраняет возможность лоббирования собственных интересов и позволяет — через механизм обязательного выполнения принимаемых решений — распространять свое влияние на интегрируемые государства. Чем более асимметричны потенциалы участников сближения, тем больше у регионального лидера возможностей диктовать свою политику более слабым ее участникам, что, по мнению некоторых ученых (в частности, Уолта), способствует стабильности и долговременности образованной группировки.

Естественные противоречия в интересах малых и крупных государств в контексте их интеграции позволяют предположить, что формирование и развитие региональных экономических группировок в наши дни представляет собой сложный и амбивалентный процесс. В отсутствие реальной внешней угрозы процесс сближения становится итогом постоянных компромиссов между ее субъектами, а достижение этих компромиссов — длительным процессом. В этих условиях начало формирования эконо-

мической группировки не может рассматриваться как гарантия ее успешного и поступательного развития.

2

Традиционно политика примыкания в реализме рассматривалась как временное сближение с более сильным игроком. После того как необходимость в нем исчезала, малое государство корректировало свою стратегию и прекращало кооперативное взаимодействие с недавним союзником.

Особенность современного *интеграционного примыкания* заключается в том, что оно, как правило, мотивировано не внешней угрозой (последняя может отсутствовать вовсе), а преследованием внутренних, чаще всего экономических интересов. В этом случае, напротив, внешние вызовы могут возникать и усиливаться по мере углубления сотрудничества, поскольку чем дольше объединение развивается, тем больше полномочий государство делегирует на наднациональный уровень. Иными словами — тем ниже его возможности в сравнении с усиливающимся интеграционным центром. В результате для малых и средних стран характерно *совмещение экономического примыкания с оборонным балансированием и попытками защитить свой суверенитет через опору на другие центры силы, находящиеся вне интеграционного ядра*.

Возможность и способность одновременного проведения этими государствами политики балансирования и примыкания становится устойчивой чертой современных международных отношений. С одной стороны, они выступают как сторонники интеграции, получая от нее практическую выгоду. С другой — постоянное развитие интеграции — в котором заинтересованы ее более сильные участники — противоречит стратегическим устремлениям малых стран. Таким образом, они объективно ориентированы на торможение этого процесса. Иными словами, *интеграционная политика малого или среднего государства заключается в поддержании оптимального соотношения балансирования и примыкания*.

Международная практика свидетельствует, что они по-разному сочетают эти два элемента своей стратегии. В связи с этим требуется рассмотрение конкретных примеров политики малых и средних стран в рамках региональных экономических группировок.

В качестве иллюстрации различных стратегий малых и средних стран стоит рассмотреть два примера относительно развитых интеграционных объединений, характеризующихся различным уровнем соотношения потенциалов между их участниками. Прежде всего в таком качестве выступает Европейский Союз. Изначально он формировался относительно равными по потенциалу государствами Западной Европы. В начале 1990-х годов он превратился в объект интеграционных устремлений многих стран Центральной и Восточной Европы, которые получили возможность проводить независимую политику после распада Организации Варшавского договора и возглавлявшего ее Советского Союза. Сам этот регион, в свою очередь, также представлял интерес для государств-членов ЕС (в частности, центра интеграции — Германии), в связи с возникшей возможностью освоения новых рынков.

Результатом этой взаимной заинтересованности стал процесс расширения интеграционного объединения. В 2004 г. его новыми участниками стали сразу десять государств (Венгрия, Кипр, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Словакия, Словения, Чехия, Эстония), а в 2007 — еще две страны (Болгария и Румыния). В 2013 г. к ним присоединилась Хорватия. Налицо политика примыкания одних стран к сообществу других, более сильных, ради получения экономических и политических выгод (в частности, привлечения инвестиций и новых технологий, коллективной защиты от экономических угроз, выгоды от эффекта масштаба в торговле).

В то же время, несмотря на присутствовавший в регионе еврооптимизм, в послед-

нее десятилетие политика многих членов, как новых, так и относительно старых, но относящихся к категории малых и средних стран, все чаще становилась «неудобной» для региональных лидеров и затрудняла процесс выработки и согласования общей позиции. Ирландия дважды парализовала реформирование Европейского Союза, не ратифицировав ни Ниццкий, ни Лиссабонский договоры с первой попытки; Чехия также долгое время блокировала ратификацию Лиссабонского договора.

Хорошим примером служит политика шантажа, которой активно пользовалось правительство Греции в 2012 г. в период обострения долгового кризиса и которая, по всей видимости, возобновилась в начале 2015 года. Нелишне вспомнить, что президент Чехии В. Клаус, выступая 19 февраля 2009 г. в Европейском парламенте, и вовсе охарактеризовал ЕС — в связи с усилением наднациональных органов — как возрождающийся СССР¹. Во всем этом наглядно прослеживается политика балансирования, из-за которой лидеры ЕС стали «заложниками» своих более слабых партнеров и все чаще вынуждены идти на уступки «пассажирам» интеграции [Офицеров-Бельский 2013].

Соотношение примыкания и балансирования в политике малых государств ЕС различается существенно. Одни из них безоговорочно принимали все издержки примыкания и стремились как можно глубже интегрироваться в региональную группировку. К ним, в частности, можно отнести Латвию и Эстонию. Другие малые страны относятся если не к числу скептиков, то к группе «осторожных еврооптимистов», которые не спешат принимать на себя новые интеграционные обязательства и имеют собственные интересы в Восточной Европе (Чехия, Польша, Литва). Думается, именно эти различия во взглядах относительно темпов и целей европейского сближения (разноскоростная интеграция как доминанта регионального процесса [Евро-

¹ Klaus rocks European Parliament // Euronews, 2009. <http://www.euronews.com/2009/02/19/klaus-rocks-european-parliament/>

пейский союз... 2012]) не позволяют сегодня политикам государств-членов ЕС определить будущий путь развития объединения: необходимо ли ему дальнейшее расширение или же углубление интеграции в уже существующих границах.

Другой региональной экономической группировкой, которая по уровню интеграции находится ниже ЕС, однако демонстрирует высокие темпы развития, становится Евразийский экономический союз. В нем также происходит сближение стран с различными потенциалами, где Россия представляется очевидным региональным лидером, а Армения, Беларусь, Казахстан и Киргизия — примыкающими к ней субъектами.

Как и в случае малых и средних стран ЕС, Беларусь и Казахстан демонстрировали различное отношение к перспективам интеграции (или реинтеграции) постсоветского пространства при главенствующей роли России. Если Астана занимала сдержанно оптимистичную позицию, то в белорусско-российских отношениях вопросы, связанные с необходимостью проведения Минском политики примыкания, не единожды приводили к острым двусторонним конфликтам. Достаточно вспомнить, что из-за одного из таких конфликтов Беларусь присоединилась к Таможенному союзу на несколько дней позже Казахстана и России².

Проведение Минском политики балансирования прослеживалось в течение всего последнего десятилетия. Для ее успешной реализации страна пыталась и до сих пор пытается, по мере возможностей, активизировать диалог с Европейским Союзом, а также интенсивно развивает экономическое сотрудничество с внерегиональными странами (в частности, Венесуэлой и Китаем). Тем не менее примыкание Беларуси к России — как раз тот вынужденный шаг, отказ от которого стал бы неприемлемой внешнеполитической альтернативой.

В контексте европейской и евразийской интеграции можно рассматривать перспективы проведения политики примыкания и

Украиной, которая за последнее десятилетие, несмотря на неоднократно декларируемые намерения сблизиться с Таможенным союзом, на практике пока так и не сделала однозначный выбор ни в пользу Брюсселя, ни в пользу примыкания к Москве. Фактически Украина остается последним государством Восточной Европы, отказывающимся от примыкания, однако, как и в случае с Беларусью, в ее случае отказ от интеграции также связан с высокими издержками.

Примеры ЕС и ЕАЭС выталкивают на любопытное наблюдение: малые государства Центрально-Восточной Европы, участвующие в европейской и евразийской интеграции, демонстрируют различное соотношение балансирования и примыкания. Причины этого различия следует искать в движущих силах, влияющих на интенсивность проведения каждой из этих политик.

Выше отмечалось, что ведущим мотивом политики примыкания малых государств представляется получение выгоды. Помимо этого, мотивами примыкания может по-прежнему оказываться противодействие внешним угрозам или близость экономических и политических систем, а также историческая общность народов. Вместе с тем в рамках регионального сближения именно экономические характеристики государства, его конкурентоспособность, зависимость от внешних источников ресурсов либо способность обеспечить их эффективную диверсификацию, определяют потребность в интеграции или способность ее избежать.

Рассматриваемые страны располагают невысоким экономическим потенциалом в сравнении с региональными лидерами. Например, ВВП восточных государств-членов Европейского Союза (Болгарии, Венгрии, Латвии, Литвы, Польши, Румынии, Чехии, Эстонии) существенно уступает Германии — ведущей стране объединения — как в абсолютном, так и в относительном выражениях [World Economic

² Таможенный союз заработал. 01.07.2010. URL: http://actualcomment.ru/tamozhenny_soyuz_zarabotal.html

Outlook 2013]. Кроме того, эти восемь стран в сравнении с ФРГ оцениваются как менее конкурентоспособные [Global Competitiveness Index 2009]. Аналогичная ситуация наблюдается и в рамках Евразийского экономического союза — по этим показателям Беларусь, Казахстан, другие страны СНГ также проигрывают России.

Налицо схожая объективная заинтересованность малых государств в развитии более тесных отношений с региональными экономическими лидерами. Детальное изучение хозяйственного значения примыкания на страновом уровне позволило бы точнее определить степень объективной заинтересованности государства в интеграции и требуемый для этого уровень сближения. В то же время еще более важно проанализировать движущие силы, которые активизируют политику балансирования и влияют на ее вариативность в странах Центрально-Восточной Европы.

3

Утверждение неореалистов о том, что поведение государства есть его закономерная реакция на внешнюю среду, выглядит недостаточным. Безусловно, внешние объективно существующие характеристики внешнеполитической среды, с точки зрения отдельного субъекта международной политики, могут влиять на выбор стратегии, сделав один из имеющихся альтернативных вариантов более приемлемым. Вместе с тем любое решение, касающееся проведения как политики балансирования, так и политики примыкания, есть осознанный шаг политического руководства страны. На него оказывают влияние не только внешние обстоятельства, но и внутренние факторы. Сравнение интеграционного поведения стран Центрально-Восточной Европы позволяет определить некоторые движущие силы, в зависимости от которых будет меняться интенсивность политики балансирования.

Фактор национального и политического консенсуса. Участие в интеграционном объединении как политический шаг требует наличия на уровне политического руковод-

ства и на электоральном уровне консенсуса по поводу необходимости сближения с другими государствами. При его отсутствии интеграция может стать предметом спекуляций политических сил (как внутренних, так и внешних). Каждый последующий шаг будет в высокой степени коррелировать с популярностью доминирующей политической силы и ее способностью удерживать власть. Соответственно, во избежание дополнительных рисков, действующее руководство страны будет все чаще воздерживаться от углубления интеграции и прибегать к практике балансирования в объединении.

Примером влияния этого фактора на принимаемые внешнеполитические решения служит опыт Украины, долгое время отказывавшейся от участия в региональных интеграционных группировках. Несмотря на провозглашенный политическими элитами курс на сближение с Европейским Союзом, его практическая реализация пока далека от завершения. Более того, присоединение к любой из доступных группировок не станет панацеей от проблем украинской экономики и, скорее всего, не даст краткосрочный положительный эффект. Именно поэтому любое интеграционное решение, а точнее — его последствия, будут поставлены в вину действующей власти, что затрудняет и сам выбор, и его имплементацию.

Фактор диспропорции субъектов интеграции. Диспропорция потенциалов заложена уже на начальной стадии сближения сильного международного игрока и малого государства. Однако на примере европейской и евразийской интеграции отчетливо видно, что степень этой диспропорции поразному влияет на политику балансирования. Вполне очевидно, что сближение Беларуси с Россией вызывает у первой гораздо большие опасения за свой суверенитет, чем, например, сближение Польши, Чехии или Словакии с Германией. Чем больше существующие диспропорции, тем больше угроз для малого государства несет углубление интеграции.

Разница потенциалов субъектов может быть компенсирована их количеством в

рамках отдельного объединения. Например, опасения стран Прибалтики (Латвии, Литвы, Эстонии) за свой суверенитет в ходе европейской интеграции будут однозначно меньшими, чем в евразийской, поскольку в Европейском Союзе за счет более широкого представительства государств в наднациональных органах минимизируется значение экономического доминирования одних стран над другими.

Напротив, на примере Евразийского экономического союза в процессе принятия общих решений мы видим преобладание межгосударственного уровня интеграции над наднациональным, поскольку только в таком формате удастся сохранить равное представительство интересов всех «непропорциональных» сторон.

Фактор политического режима. Специфика политического режима влияет на значимость для правящей элиты сохранения полномочий в проведении экономической политики. Так, в процессе интеграции демократических режимов в наднациональные органы передаются те компетенции, которые не влияют на ход политической конкуренции. Напротив, в случае авторитарных режимов способность корректировать экономическую политику в зависимости от необходимости получения кратко-

срочной электоральной поддержки остается важной, если не главной составляющей сохранения власти. Такое положение прослеживается на примерах Беларуси и Украины. Для их руководства удержание механизмов экономического управления остается залогом политического лидерства.

Графически соотношение политики балансирования и примыкания представлено на Рис. 1. Во всех рассматриваемых малых государствах привлекательность примыкания по мере развития интеграции постепенно снижается, а балансирования — повышается.

Падение интенсивности примыкания связано с расхождением целей малых государств и региональных лидеров. В случае первых интересы часто оказываются удовлетворенными уже на ее начальной стадии. Именно поэтому каждый следующий шаг, направленный на углубление связей в группировке, приносит малым и средним странам все меньшие выгоды и одновременно несет в себе все большие угрозы их суверенитету, что также повышает интенсивность политики балансирования, придавая ей нелинейный и прогрессивный характер.

«Точка конфликтности», где происходит пересечение интенсивности политик ба-

Рисунок 1
Изменение политик балансирования и примыкания по мере развития интеграции

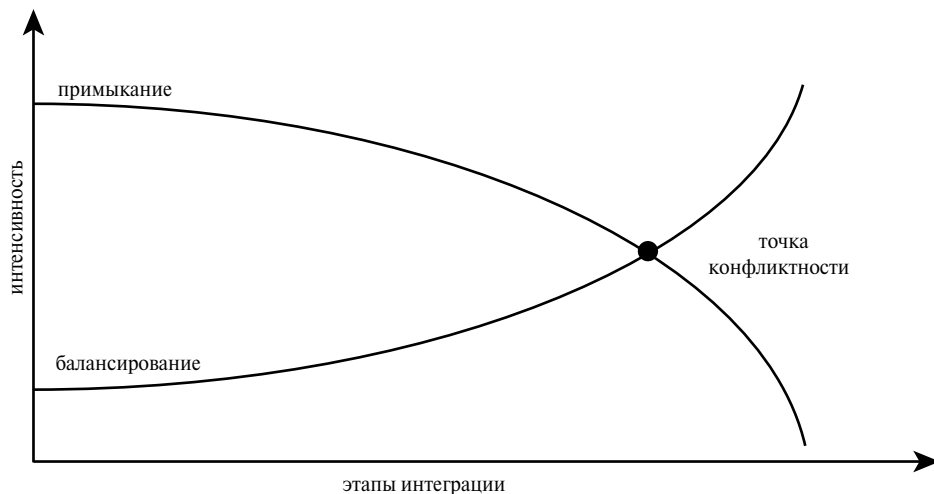
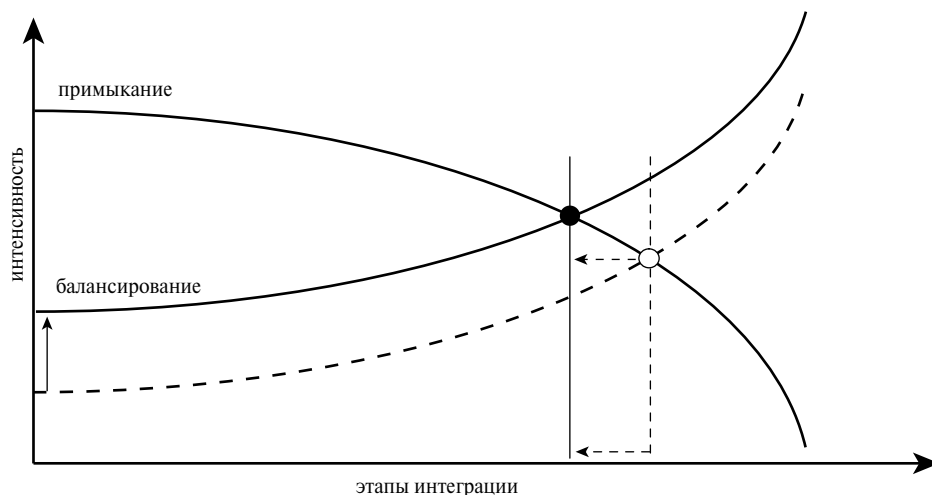

Рисунок 2

Изменение политик балансирования и примыкания по мере развития интеграции под влиянием дополнительных факторов балансирования

лансирования и примыкания, становится пределом эффективной интеграции, за которым наступает повышенный уровень конфронтации ее участников, а дальнейшее сближение государств останавливается. При этом роль факторов балансирования в интенсивности этой политики подержана минимальным изменениям в течение интеграционного процесса.

Демократизация политического режима и формирование внутреннего консенсуса представляются длительными процессами, такими же, как и расширение интеграционной группировки и минимизация диспропорций потенциалов ее субъектов. В случае Европейского Союза эти процессы заняли не одно десятилетие. Таким образом, введение дополнительных переменных подтверждает ограниченный ресурс примыкания по мере приближения к «точке конфликтности» интеграции.

Вместе с тем начальные уровни балансирования и примыкания у государств могут различаться. Например, упомянутые факторы могут повысить уровень балансирования, тем самым ускорив наступление «точки конфликтности».

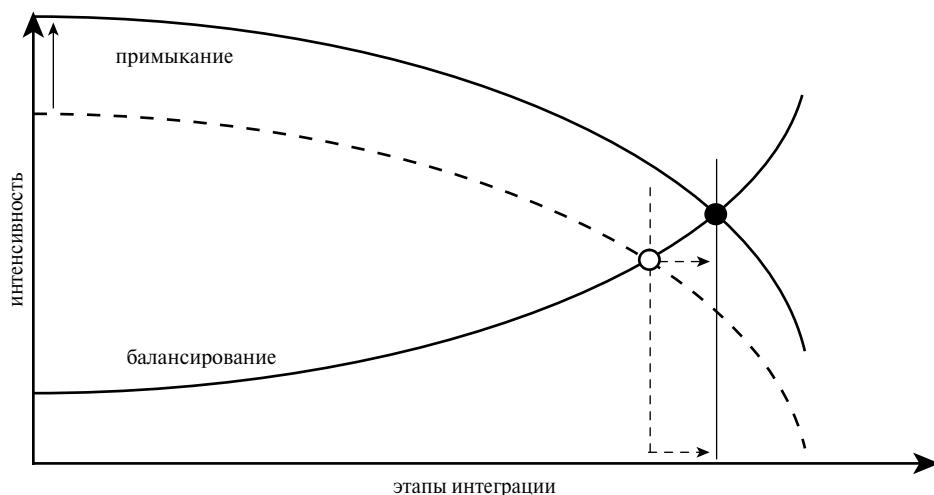
Можно ли повлиять на перспективы углубления интеграции и способствовать

ее активизации? Такая возможность существует за счет усиления привлекательности примыкания. Свою роль могут сыграть дополнительные экономические выгоды (преференции) или же нарастание угрозы со стороны других региональных игроков. Последнее, в частности, имело большое значение в высокой заинтересованности в сближении с ЕС стран Прибалтики, опасавшихся «российского фактора», а также в примыкании стран Центральной Азии к России на фоне возрастающего влияния Китая.

В этом случае рост интенсивности политики примыкания может позволить группировке перейти на следующий уровень интеграции (Рис. 3). Однако и здесь сближение стран по-прежнему будет иметь свой предел, определяемый интенсивностью балансирования.

Таким образом, современные интеграционные процессы имеют предел развития, который выясняется в рамках диалога региональных лидеров и примыкающих к ним малых государств. Этот предел не является постоянным и подвержен изменениям как объективного, так и субъективного характера. С одной стороны, возможность сдвигать его непосредственным об-

Рисунок 3
Изменение политик балансирования и примыкания по мере развития интеграции
в случае дополнительного стимулирования примыкания

разом влияет на успешность интеграции и международный статус регионального лидера. С другой — способность противостоять этим действиям гарантирует сохранение малыми или средними государствами своего суверенитета и больший учет их интересов в интеграционной группировке.

* * *

Стратегии балансирования и примыкания сохраняют свою значимость как базовые архетипы поведения государств в современной международной среде вообще и в процессах региональной интеграции в частности. При этом вследствие снизившейся конфронтационности они все реже рассматриваются в контексте исключительно военно-политической стратегии. Акцент исследований все чаще переносится на экономическую составляющую отношений.

В контексте интеграции малых и средних стран в региональные интеграционные

группировки обозначились попытки совмещения балансирования и примыкания. Соотношение этих политик напрямую влияет на успешность интеграционных процессов, интенсивность которых с каждым следующим шагом снижается под влиянием объективных обстоятельств.

В то же время анализ двух интеграционных объединений — ЕС и ЕАЭС — свидетельствует, что потенциал сближения участников может быть достаточно значительным. В обеих региональных группировках он еще не исчерпан. Более того, сохраняется резерв влияния на «точку конфликтности», в которой интенсивность примыкания и балансирования малых государств уравнивается. Тем не менее вопрос о перспективах развития отношений в случае достижения интеграционными объединениями предела своего развития, становится все более актуальным и требует новых и более углубленных исследований возможности изменения этого предела.

Список литературы

- Бордачев Т. В. Интеграция и суверенитет в 21 веке (Доклад). — 2013. http://www.soyuzinfo.am/rus/analytics/detail.php?ELEMENT_ID=325.
Европейский союз в XXI веке: время испытаний/ Институт Европы РАН; Под ред.: О. Ю. Потемкиной и др. М., 2012. — 654 с.

- Кудряшова И. В. Легко ли быть средневеликим // Международные процессы. — 2008. — Т.6. — № 3(18).
- Официров-Бельский Д. Перспективы общей внешней политики ЕС // Международные процессы — 2013 — №1. С. 122 — 131.
- Суздальцев А. И. Постсоветское пространство: лимитрофы XXI века — http://www.prognosis.ru/news/asng/2006/9/18/putin_russia_sng.html
- Цымбурский В. Л. Народы между цивилизациями // Pro et Contra. — 1997. Т. 2 — № 3. — С. 170–174.
- Global Competitiveness Index 2009 – 2012 // World Economic Forum, Global Competitiveness Report
- Browning C. S. Small, smart and salient? Rethinking identity in the small states literature // Cambridge Review of International Affairs. — 2006. — Т. 19. — №. 4. — С. 669–684.
- Elman M. F. The foreign policies of small states: Challenging neorealism in its own backyard // British Journal of Political Science. — 1995. — Т. 25. — №. 02. — С. 171–217.
- Haass R. N. The Age of Nonpolarity. What Will Follow U.S. Dominance // Foreign Affairs. — 2008. — Vol. 87/3. — P. 44–56.
- Kassimeris C. The foreign policy of small powers // International Politics. — 2009. — Т. 46. — №. 1. — С. 84–101.
- Keohane R.O. Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics. International Organization. Vol. 23, Issue 02, Spring 1969, pp 291–310. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S002081830003160X>
- Morgenthau H. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. N.Y., 1978.
- Pape R. Soft Balancing against the United States // International Security — 2005. — Vol. 30 (1). — P. 7–45.
- Paul T. Soft Balancing in the Age of U.S. Primacy // International Security — 2005. — Vol. 30 (1). — P. 46–71.
- Schweller R. Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back in // International Security — 1994. — Vol. 19:1. — P. 72–107
- Small states in international relations / ed. by C. Ingebritsen — University of Iceland Press, 2006.
- Snyder G. Z. The Bipolarity of a Unipolar World: Why Secondary Powers will Stand By America — University of Maryland, 2008. — 38 p.
- Walt S. Alliances in a Unipolar World // World Politics — 2009 — Vol. 61/1 — P. 86–120.
- Walt S. The Origins of Alliances. — Cornell University Press, 1990. — 336 p.
- Waltz K. Structural Realism after the Cold War // International Security — 2000. — Vol. 25/1. — P. 5–41.
- Waltz K. Theory of International Politics. — New York: McGraw Hill, 1979. — 256 p.
- World Economic Outlook (WEO) Database 2013 // International Monetary Fund — <http://www.imf.org/external/ns/cs.aspx?id=28>

THE BALANCING OF SMALL AND MEDIUM-SIZED NATIONS

ANDREY SKRIBA

Higher School of Economics, Moscow, 101000, Russia

Abstract

The article studies two traditional realist types of behavior - balancing and bandwagoning. Historically, the policy of balancing was typical to large states — the Great Powers who tried to restrain each other and thus maintain balance of power in the international system. Others — small and medium countries were more likely to bandwagon, because of their inability to resist external pressure from the Great Powers independently.

The collapse of the bipolar system introduced significant adjustments. In particular, small and medium countries now have new opportunities to balance external threats. Integration has become a process where it became very clear. On the one hand, integration gave some benefit to these countries, especially within close cooperation and removal of trade barriers with economically more successful and powerful states. However, on the other hand, such a disproportionate convergence created for small and medium countries certain threats. Lack of economic borders increased their dependence on the stronger partners, while creation of supranational branches of power moved this dependence on a political level, as supranational institutions, of course, took into account interests of major subjects of integration primarily.

Taking into account that processes of regional integration have been coming increasingly intensive during the last decade, the author targeted to study in this context new behavior of small and medium countries. It was found that balancing and bandwagoning are two components of their integration policy. The ratio of balancing and bandwagoning influences development of the integration process. When small and medium countries accumulate sufficient resources to build the balancing policy, integration slows down. It means that for the successful integration with small and medium countries needs a permanent dominance of bandwagoning over balancing in their integration policy.

Keywords:

realist theories; regional integration; balancing policy.

References

- (2013) *World Economic Outlook (WEO) Database*. International Monetary Fund – <http://www.imf.org/external/ns/cs.aspx?id=28>
- Bordachev T.V. (2013). *Integracija i suverenitet v 21. veke (Doklad)* [Integration and Sovereignty in 21 Century]. URL: http://www.soyuzinfo.am/rus/analitics/detail.php?ELEMENT_ID=325.
- Browning C.S. (2006). Small, smart and salient? Rethinking identity in the small states literature. *Cambridge Review of International Affairs*, 19(4), 669–684.
- Elman M.F. (1995). The foreign policies of small states: Challenging neorealism in its own backyard. *British Journal of Political Science*, 25(02), 171–217.
- Haass R. N. (2008). The Age of Nonpolarity. What Will Follow U.S. Dominance. *Foreign Affairs*. Vol. 87 / 3. – P. 44–56.
- Ingebretsen C. (Ed.). (2006). *Small states in international relations*. University of Iceland Press.
- Kassimeris C. (2009). The foreign policy of small powers. *International Politics*, 46(1), 84–101.
- Keohane R.O. (1969). Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics. *International Organization*. Vol. 23, Issue 02. pp 291–310. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S002081830003160X>
- Kudryashova I.V. (2008). Legko li byt' srednevelikim [Is it Easy to be a Middle-Sized?]. *Mezhdunarodnye processy*. Vol.6. No. 3(18).
- Oficerov-Bel'skij D. (2013). Perspektivy obshhej vneshnej politiki ES [Perspectives of the Common Foreign Policy in the EU]. *Mezhdunarodnye processy*. No. 1. P. 122 – 131.
- Potemkina O. et al. (eds.). (2012). *Evropejskij sojuz v XXI veke: vremja ispytaniy* [European Union in XXI: era of challenges]. Moscow: Institut Evropy – 654 p.
- Suzdal'tcev A.I. (2006). *Postsovet'skoe prostranstvo: limitrofy XXI veka* [post-Soviet area: limitrophes of XXI]. URL: http://www.prognosis.ru/news/asng/2006/9/18/putin_russia_sng.html
- Tcybur'skiy V. L. (1997). Narody mezhdru civilizacijami [Nations between Civilizations]. *Pro et Contra*. Vol. 2 No. 3. P. 170–174.
- (2013) Global Competitiveness Index 2009 – 2012. *World Economic Forum, Global Competitiveness Report*.
- Haass R.N. (2008) The Age of Nonpolarity. What Will Follow U.S. Dominance. *Foreign Affairs*. Vol. 87 / 3. P. 44–56.
- (2009) Klaus rocks European Parliament. *Euronews*. URL: <http://www.euronews.com/2009/02/19/klaus-rocks-european-parliament/>
- Morgenthau H. (1978). *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. N.Y.
- Pape R. (2005). Soft Balancing against the United States. *International Security*. Vol. 30 (1). P. 7 – 45.
- Paul T. (2005) Soft Balancing in the Age of U.S. Primacy. *International Security*. Vol. 30 (1). P. 46 – 71.
- Schweller R. (1994). Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back in. *International Security*. Vol. 19:1. P. 72–107
- Snyder Q. Z. (2008). *The Bipolarity of a Unipolar World: Why Secondary Powers Will Stand by America*. University of Maryland. 38 p.
- Walt S. (2009). Alliances in a Unipolar World. *World Politics*. Vol. 61 / 1. P. 86–120.
- Walt S. (1990). *The Origins of Alliances*. Cornell University Press. 336 p.
- Waltz K. (2000). Structural Realism after the Cold War. *International Security*. Vol. 25 / 1. P. 5–41.
- Waltz K. (1979). *Theory of International Politics*. New York: McGraw Hill. 256 p.